

МОДЕРНИЗАЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ У ОСЕТИН

Т.Т. Дауева

В статье представлен сопоставительный анализ инноваций в семейной сфере осетин, их синтеза с традиционными компонентами семейного быта. Особое внимание уделяется особенностям взаимодействия таких институтов регулирования, как обычное право осетин, церковные установления и законодательство Российской империи. Теоретическую основу работы составили концепции ученых, исследовавших проблемы традиционных брачно-семейных отношений, особенностей трансформации семьи в период пореформенной модернизации. Источниковой базой для статьи послужили ранее не опубликованные архивные материалы: судебные дела по разводам, выплатам калыма, двоеженства; переписка Владикавказской епархии с начальником округа; ежегодные отчеты начальников округов Осетии начальнику Терской области. Новизна предопределена предметным обращением к новациям и их конкретным результатам: противоречиям между традиционным укладом семьи и некоторыми трансформациями, например, изменениями гендерных стереотипов и пр. Объектом исследования является традиционная осетинская семья XIX в. с характерными для той поры обычаями и традициями. Своей целью мы поставили выявление особенностей внедрения новаций, присущих российскому администрированию, в брачно-семейную сферу осетин. Следует уточнить, что научному анализу подвергаются отдельно взятые аспекты традиционных норм и установок патриархальной семьи. Высказывается мнение, что именно в семье воплотились наиболее значимые трансформации гендерных стереотипов, что имело свое отражение и в некоторых аспектах этнического сознания осетин.

Ключевые слова: патриархальная семья, обычное право, адат, семейное право, бракоразводный процесс, двоеженство, калым, номылул.

К началу XX в. внутрисемейные отношения осетин, основанные на патриархальных принципах, во многом еще сохраняли традиционные черты. А.Х. Хадикова отмечает, что в это время большая патриархальная семья зачастую все еще оставалась целостной, обособленной системой социального порядка со своим управлением, материальным распределением, а также культовой деятельностью и семейной обрядностью [1, 257].

Жизнедеятельность осетинской семьи регулировалась нормами этикета, следование которому было обязательным для каждого общинника. Нормы адатов определяли не только социальные отношения, но и семейно-родственные и брачные. Вместе с тем, отправной точкой модернизации брачно-семейных

отношений осетин можно считать присоединение Осетии к России в 1774 г. При разработке некоторых реформ царская администрация не имела целью введение радикальных изменений брачно-семейных институтов горских народов. Заранее отметим, что российской администрацией были соблюдены все меры для постепенного преобразования семейных отношений осетин в соответствии с принятыми установками империи. Вмешательство в вопросы заключения и расторжения брака, наследственных прав и т.д. было минимальным, о чем говорит статья 90, ч. 1, т. X Свода законов Российской империи: «Каждому племени и народу, не выключая и язычников, дозволяется вступать в брак по правилам их закона или по принятым обычаям, без участия

в том гражданского начальства или христианского духовного правительства» [2, 47]. Обратимся к некоторым конкретным положениям, которые все же подверглись модернизации.

Номылус. В осетиноведческой историографии относительно вопроса происхождения института «номылус» сформировано несколько версий. Этнолог А.Х. Магометов полагал, что этот уникальный социальный феномен относится к пережиткам родовой полигамии [3, 79]. Профессор Б.А. Калоев увидел в нем влияние ислама, указав на его распространение только среди осетинских феодалов и редко среди зажиточных крестьян-мусульман [4, 211]. Р.С. Бзаров, наиболее подробно исследовав сословную структуру осетинского общества, высказал мнение, что отличительной чертой брака с номылус является совместимость с браком «основным» [5, 100].

На основании анализа источников Бзаров пришел к выводу о том, что: наименование «вторая жена» указывает не на хронологию заключения брака, а на его второстепенный статус. Более того, «второй брак» часто заключался раньше «основного» [5, 100]. Заключение брака с номылус являлось законной формой брака, и, безусловно, регулировалось нормами обычного права осетин.

Исследователи также указывают на несколько причин бытования института «номылус», первоочередной из которых являлась ограниченная возможность воспроизводства холопов (плен, купля, двойной калым, дети холопов) [6, 112]. Таким образом, существование номылус в осетинской семье имело целью восполнить рабочую силу в хозяйстве. Заключение договора было выгодно для обеих сторон, так как отец девушки, соглашаясь на роль второй жены для своей дочери, получал калым в двойном размере. Согласно адатам, в отличие от холопки, номылус принадлежала только домохозяину, он не имел права ее продавать или

дарить, а после его смерти она и ее дети (кавдасарды) получали полную свободу [7, 15].

После проведения крестьянской реформы 1867 г. институт «номылус» официально прекратил свое существование. Начальники округов рапортовали в своих отчетах о том, что в 1867 г. освобожденная от крепостной зависимости бывшая номылус Тулатовского жителя Эльзарко Тхостова Сота, и по освобождении она вернулась в дом своего брата Лепра Сланова в с. Гизель [8, 8].

Однако, проведя исследование на базе архивных материалов 1867-1884 гг., мы можем говорить о продолжении борьбы российской администрации с этим явлением среди осетин. Особенностью судебных дел является то, что собственно термин «номылус» уже не встречается. Формулировки существа дела звучат иначе: «дело о расторжении незаконного сожительства гражданина с гражданкой», либо большей частью как «дело о незаконном сожительстве».

Житель с. Донифарс мулла Хетагов подвергнут штрафу в размере 300 рублей за повторное незаконное сожительство с Госайма Агуевой по донесению участкового пристава [9, 4]. В 1884 г. житель с. Дур-Дур Измаил Туганов, был разлучен с женщиной, которую он взял в качестве второй жены, кроме того, нарушил данную им подписку не сожительствовать с ней [9, 17].

В большей части пояснительных записок обвиняемые в многоженстве утверждали, что это было не заключение брака, а наем девушки в качестве прислуги, а калым ее отцу представляли договорной платой за услуги работницы.

В 1890 г. житель с. Хумалаг Темирко Татармазов взял себе второй женой жительницу с. Ардон Дзаке Хозиеву. Она была отселена от него старшиной селения и на время разбирательства проживала в доме дяди. Т. Татармазов был предупрежден о штрафе в случае ее возвращения.

В пояснительной записке Татармазов указал, что жена его слаба и ему требуется прислуга. В деле также имеется свидетельство от врача, который указывает, что «жена Татармазова, 43 лет от роду страдает хроническими заболеваниями и не способна на многочисленные тяжелые домашние занятия в тяжелом быту» [10, 19]. Следует отметить, что штраф в размере 300 руб. в том случае был наложен на обе стороны. Деньги, полученные в качестве штрафных сумм, причислялись к штрафным суммам округа.

Интересна пояснительная записка Т. Хозиева, во многом объясняющая принятый традиционный уклад в семейно-бытовой сфере. Обвиняемый в двоеженстве старшиной селения, Хозиев приводит аргументы в пользу своего второго брака. Во-первых, он пишет, что болезнь супруги не дает ей возможности заниматься хозяйством и ему самому приходится делать всю работу по дому; во-вторых, Хозиев указывает, что вторые жены есть у всех осетин. Третьим пунктом он отмечает, что нельзя по обычаю забрать у него жену, так как он «заплатил за нее калым, и отвечаю за нее и являюсь ее владельцем» [10, 23].

С установлением в регионе российского законодательства одновременно происходил процесс распространения влияния Русской православной церкви, что в первую очередь привело к утверждению православных идей брачного союза, а также к дополнительному контролю отношений членов семьи друг с другом со стороны приходских священников. Они обязывались докладывать о произошедшем во Владикавказскую епархию, а оттуда в свою очередь обращались к начальнику округа или области. В качестве примера приведем некоторые вопросы брачно-семейной сферы, выносимые епархией на повестку. В 1893 г. епископ Иосиф просил распространить на осетин право вступать в брак по достижении женихом 15 лет, а невестой – 13 лет. Сле-

дует уточнить, что принятый возрастной ценз для вступления в брак составлял 18 лет для лиц мужского пола и 16 лет для женского. Начальник области отклонил предложение, обосновав его тем, что домашний быт осетин требует тяжелого труда, а слишком юные девушки и молодые парни просто не справятся с бытовой сферой семейной жизни [11, 20б].

Меры, предпринимаемые для пресечения подобных браков, были весьма разнообразными. Например, священник Дигоры представил список 60 семейств, переселившихся в мусульманские поселения. В своем письме во Владикавказскую епархию он высказал опасения, что без влияния православного священника данные семьи могут перейти в магометанство, заключать браки с магометанами и т.д. Владикавказский епископ в свою очередь обратился к начальнику Терской области с просьбой вернуть православные семьи в Дигору, на что получил отказ на основании приказа командующего войсками Кавказского военного округа [12, 1-4об]. Данная переписка состоялась в марте 1894 г.

Отличительной особенностью судебного процесса по делу о двоеженстве в Осетии было то, что на время рассмотрения дела незаконная жена передавалась под опеку мужского родственника и только после вынесения приговора возвращалась в дом отца или брата, в то время как повсеместно на территории России вторая жена передавалась под опеку церкви на тот же период.

Калым. Не остался без внимания со стороны российской администрации вопрос о выплате калыма, точнее, о его размере. Калым – плата, вносимая семьей жениха за невесту. По мнению З.В. Кануковой, интерес этот в первую очередь был вызван фискальной политикой, заинтересованностью в платежеспособности региона [13, 28]. Одним из инструментов в борьбе за понижение размера калыма выступали общественные постановления

ния, приговоры, принимаемые сельскими сходами. Инициатором сходов выступала администрация в лице старшины селения, который выносил на повестку вопрос о борьбе с «разорительным» обычаем. Новации коснулись также получателей калыма. Новая власть настаивала на праве девушки на долю в нем, и в пореформенный период одна треть калыма действительно переходила в собственность невесты [7, 85].

Ярким примером, демонстрирующим попытку внедрить новшества, может служить приговор Куртатинского общества от 1881 г. Приведем актуальные для исследования пункты:

П. 1. Для всех жителей общества был установлен калым в размере 28 руб. за девушек и 14 руб. за разведенных и вдов. В данном приговоре впервые было выдвинуто предложение не учитывать сословное происхождение девушки при получении калыма.

П. 2. Отменялись подарки, которые ранее принято было дарить обеим сторонам, в случае же нарушения данного пункта взыскивался штраф в размере 50 руб. с каждой стороны.

П. 3. В случае если нарушение было выявлено после заключения брака, старшина селения подвергал штрафу обе стороны в размере 100 руб. с каждой стороны.

П. 8. Девушкам разрешалось самостоятельно выбирать жениха, родные же обязывались давать разрешения бесспорно; в этом же пункте старшины в присутствии двух свидетелей и муллы обязывались удостовериться, по собственному ли желанию она выходит замуж, либо по принуждению или насильно.

П. 10. В случае отказа родителей и родственников дать разрешение на брак при самостоятельном выборе жениха и невесты родные подвергались штрафным санкциям в размере 100 руб., а старшина обязывался проследить за совершением свадебной церемонии [14, 3].

В 1902 г. Алагирское общество обсуждало на съезде методы решения калымного вопроса. В качестве инициатора организации этого съезда выступила российская администрация. В постановлении устанавливался размер калыма в 100 руб. Все подарки исключались [9, 3-5об].

В обществах с мусульманским населением была своя специфика: при заключении брака мулла обязывался приводить к присяге всех ближних родных невесты и жениха в том, что «первые не взяли и не возьмут, а вторые не платили и не заплатят более означенной суммы». Никах не должен был превышать 200 руб. и 100 руб. – за разведенную женщину или вдову [15, 13].

Развод. Характерно, что общество охраняло институт брака, и примирение супругов было одной из функций сельской общины.

А.Х. Магометов объяснял непопулярность бракоразводного процесса фактором экономической невыгоды для мужа – потерей рабочих рук и доли калыма [3, 75]. М.М. Ковалевский указывал на тот факт, что следствием безосновательного расторжения брака могла быть кровная вражда со стороны отца и братьев жены [16, 256]. Конечно, нельзя полностью отрицать факт существования разводов и прежде: в соответствии с обычным правом в определенных случаях развод не только допускался, но и одобрялся. К причинам для расторжения брака относились отсутствие детей у супругов вообще или отсутствие мальчиков, серьезная болезнь жены и как следствие этого – неспособность к работе [7, 24]. В таких случаях обычно разводились мирно, заранее договорившись об этом.

При расторжении брака большое значение придавалось соблюдению норм традиционного права, а не церковного обряда. В связи с этим существовали обычаи, символизировавшие развод: супруг громко произносил фразу: «Ныне, я отрекаюсь от тебя» – и производил три

выстрела из оружия [17, 252]. Формулировка причины расторжения брака была важна для решения экономической стороны процесса: в случае безосновательного развода калым (либо его часть) мог быть и не возвращен.

Сельская община принимала участие в разводе в роли судебного учреждения, выслушивала спор, оценивала доказательства и постановляла решение. Новации в бракоразводном процессе носили скорее документальный характер. Администрация требовала оформлять развод письменно и передавала эти полномочия выборным судьям. В большинстве случаев бракоразводный процесс происходил следующим образом: инициативная сторона устно уведомляла старшину селения о желании развестись. Он в свою очередь письменно оформлял заявление и передавал его на рассмотрение народным судьям при селении. Заседание народных судей согласно «Положению о сельских (аульных) обществах, их общественном управлении и повинностях государственных и общественных в горском населении Терской и Кубанской областей» осуществлялось не менее одного раза в неделю в праздничные или свободные от работы дни, и все гражданские дела рассматривались в порядке поступления [18, 15]. Интересный факт: несмотря на то, что женщинам было разрешено самостоятельно обращаться по поводу развода, чаще всего о ее желании развестись старшине объявлял отец или брат. Однако во время бракоразводного процесса присутствие жены было необходимо, и судьи обязывались уточнить у нее, по собственному желанию она инициировала развод либо имело место чье-либо принуждение [19, 2об].

Среди мусульманской части осетин процесс развода непременно курировался муллоу, который зачитывал никах и передавал его народным судьям. У осетин-христиан жена получала часть имущества: третья часть калыма отчисля-

лась в ее пользу, и этой частью муж был вправе распоряжаться только с ее согласия; в ситуации развода она полностью переходила во владение жены [20, 315]. В случае несогласия с решением народного суда сторонам давалось право на апелляцию во Владикавказском окружном суде. Женщины этим правом пользовались. Так, например, Дзуга Кубалова развелась с супругом Сосланбеком Дзусовым по причине его здоровья и обжаловала во Владикавказском суде решение народного суда о том, что она как инициатор безосновательного развода не имеет права на часть калыма. Владикавказский суд вернул 200 руб., уплаченных Дзусовым в качестве калыма, а ей оставил компенсацию в размере 250 рублей [21, 31].

В исследуемый период женщины довольно часто обращались в суд с исками. Например, Мария Дзанаева обратилась с ходатайством в окружной суд о получении документа о временном проживании в г. Владикавказе на время бракоразводного процесса, поскольку, как она указывает в пояснительной записке, «без документа во-первых, никто меня не держит на квартире, во-вторых, никто не берет во служение» [22, 20].

Таким образом, осетинская семья с ее традиционным семейным правом с конца XVIII в. стала подвергаться влиянию российского законодательства. Позднее, когда оно обрело реальную силу, контроль закона в сфере брачно-семейных отношений стал осуществляться повсеместно. Преобразования повлекли за собой нарушение патриархального уклада, изменение характерного традиционного права, трансформацию роли женщины и закрепление ее прав, главным образом в имущественном вопросе, возникающем между супругами во время бракоразводного процесса. Вместе с тем сохранилась основа патриархальной семьи – власть мужчины по-прежнему распространялась как на экономическую сферу, так и на правовую.

1. Хадикова А.Х. Этнические образы и традиционные модели поведения осетин. Владикавказ, 2015.
2. Законы о вере и веротерпимости / Сост. Я.А. Канторович. СПб., 1899.
3. Магомедов А.Х. Общественный строй и быт осетин (XVII-XIX вв.). Орджоникидзе, 1974.
4. Калоев Б.А. Осетины (историко-этнографическое исследование). М., 1971.
5. Бзаров Р.С. Три осетинских общества в середине XIX века. Орджоникидзе, 1988.
6. Газданова В.С. Институт номылул в общественной структуре феодальной Осетии // Проблемы этнографии осетин: Сборник научных трудов. Владикавказ, 1992. Вып. 2. С. 110-118.
7. Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1883. Вып. II.
8. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А). Ф. 12. Оп. 3. Д. 1170.
9. ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 3. Д. 181.
10. ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1194.
11. ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 2. Д. 526.
12. ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 2. Д. 13.
13. Канукова З.В. Женское пространство в пореформенной Осетии // Северная Осетия: история и современность: Сборник научных трудов. Владикавказ, 2004. С. 26-33.
14. ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 2. Д. 8.
15. ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 3. Д. 16.
16. Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон (обычное право осетин в историко-сравнительном освещении). М., 1886. Т. 2. [Репринтное воспроизведение. Владикавказ. 1995.]
17. Кобахидзе Е.И. «Не единою силою оружия...» Осетия конца XVIII – начала XX в.: опыт исторического взаимодействия традиционного и государственно-административного управления. Владикавказ, 2010.
18. Положение о сельских (аульных) обществах, их общественном управлении и повинностях государственных и общественных в горском населении Терской и Кубанской областей. Владикавказ, 1870.
19. ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 2. Д. 17.
20. Российское законодательство X-XX вв. / Под ред. О.И. Чистякова. Т. 1. М., 1984.
21. ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1186.
22. ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1213.

Daueva, Tamara T. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies (Vladikavkaz, Russia); tdaueva@mail.ru

MODERNIZATION OF LEGAL REGULATION OF OSSETIAN'S MARRIAGE AND FAMILY RELATIONS.

Keywords: patriarchal family, customary law, adat, family law, divorce proceedings, bigamy, bride price, nomylus.

The article presents a comparative analysis of innovations in Ossetians family sphere and their synthesis with traditional components of family life. Special attention is paid to the peculiarities of interaction between such regulatory institutions as Ossetian customary law, church orders, and the legislation of the Russian Empire. The theoretical basis of the work is based on the concepts of those scientist who researched the problems of traditional marriage and family relations, the peculiarities of family transformation in the period of post-reform modernization. The source base for the article was previously unpublished archival materials: court cases on divorce, bride prices; the Vladikavkaz diocese correspondence with the district chief; annual reports of the district chiefs of Ossetia to the chief of the Terek region. The novelty is predetermined by a substantive appeal to innovations and their concrete results: contradictions between the traditional way of life of the family and certain transformations, for example, changes in gender stereotypes, etc. The object of the research is a traditional Ossetian family of the XIX century with customs and traditions typical for that period. Our goal is to identify the features of introducing innovations applied by Russian administration in the marriage and family sphere of the Ossetians. It should be clarified that only specific aspects of traditional norms and attitudes of the Patriarchal family are subject to scientific analysis. It is suggested that it was in the family where the most significant transformations of gender stereotypes took place, which was also reflected in some aspects of the ethnic consciousness of the Ossetians.

REFERENCES

1. Khadikova, A.Kh. *Etnicheskie obrazy i traditsionnye modeli povedeniya osetin* [Ethnic images and cultural patterns of the Ossetians]. Vladikavkaz, V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2015. 441 p.
2. Kantorovich, Ya.A. (comp.) *Zakony o vere i veroterpimosti* [Laws on faith and tolerance for faith]. St. Petersburg, 1899. 301 p.
3. Magometov, A.Kh. *Obshchestvennyi stroi i byt osetin (XVII – XIX vv.)* [Social system and mode of life of Ossetians (XVII – XIX centuries)]. Ordzhonikidze, Ir, 1974. 367 p.
4. Kaloev, B.A. *Osetiny (istoriko-etnograficheskoe issledovanie)* [Ossetians (historical and ethnographic research)]. Moscow, Nauka, 1971. 357 p.
5. Bzarov, R.S. *Tri osetinskikh obshchestva v seredine XIX veka* [Three Ossetian societies in the mid XIXth century]. Ordzhonikidze, Ir, 1988. 152 p.
6. Gazdanova, V.S. *Institut nomylus v obshchestvennoi strukture feodal'noi Osetii* [The Nomylus Institute in the social structure of feudal Ossetia]. *Problemy etnografii osetin* [Problems of Ethnography of Ossetians]. Vladikavkaz, 1992, iss. 2, pp. 110-118.
7. Leontovich, F.I. *Adaty kavkazskikh gortsev. Materialy po obychnomu pravu Severnogo i Vostochnogo Kavkaza* [Adat of Caucasian mountaineers. Materials on the customary law of the North and East Caucasus]. Odessa, Tip. P.A. Zelenogo, 1883, iss. II. 396 p.
8. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya (TsGA RSO-A)* [Central State Archives of the Republic of North Ossetia-Alania (CSA RNO-A)]. Fund 12. Inventory 3. Case 1170.
9. *TsGA RSO-A [CSA RNO-A]*. Fund 12. Inventory 3. Case 181.
10. *TsGA RSO-A [CSA RNO-A]*. Fund 12. Inventory 3. Case 1194.
11. *TsGA RSO-A [CSA RNO-A]*. Fund 12. Inventory 2. Case 526.
12. *TsGA RSO-A [CSA RNO-A]*. Fund 12. Inventory 2. Case 13.
13. Kanukova, Z.V. *Zhenskoe prostranstvo v poreformennoi Osetii* [The women's space in post-reform Ossetia]. *Severnaya Osetiya: istoriya i sovremennost'*. *Sbornik nauchnykh trudov* [North Ossetia: history and modernity. Collection of proceedings]. Vladikavkaz, 2004, pp. 26-33.
14. *TsGA RSO-A [CSA RNO-A]*. Fund 12. Inventory 2. Case 8.

15. TsGA RSO-A [CSA RNO-A]. Fund 12. Inventory 3. Case 16.

16. Kovalevsky, M.M. *Sovremennyi obychai i drevnii zakon (obychnoe pravo osetin v istoriko-sravnitel'nom osveshchenii). V 2-kh t.* [Modern custom and ancient law (Ossetian customary law in historical and comparative coverage)]. Moscow, 1886. , vol. 2. 412 p. [Reprint: Vladikavkaz, Alaniya, 1995].

17. Kobakhidze, E.I. “*Ne edinoyu siloyu oruzhiya...*” *Osetiya kontsa XVIII – nachala XX v.: opyt istoricheskogo vzaimodeistviya traditsionnogo i gosudarstvenno-administrativnogo upravleniya* [“Not by a single force of arms...” Ossetia of the end of the XVIII-beginning of the XX century: experience of historical interaction of traditional and state-administrative management]. Vladikavkaz, V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2010. 452 p.

18 *Polozhenie o sel'skikh (aul'nykh) obshchestvakh, ikh obshchestvennom upravlenii i povinnostyakh gosudarstvennykh i obshchestvennykh v gorskom naselenii Terskoi i Kubanskoj oblasti* [Regulations on rural (aul) societies, their public administration and state and public duties for the mountain population of the Terek and Kuban regions]. Vladikavkaz, 1870.

19. TsGA RSO-A [CSA RNO-A]. Fund 12. Inventory 2. Case 17.

20. Chistyakov, O.I. (ed.) *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X-XX vv.* [Russian legislation of the X-XX centuries]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 1984. 432 p.

21. TsGA RSO-A [CSA RNO-A]. Fund 12. Inventory 3. Case 1186.

22. TsGA RSO-A [CSA RNO-A]. Fund 12. Inventory 3. Case 1213.